Автор: admin
25.06.2010 05:49 - Обновлено 02.10.2010 23:14

Описание миражных отношений Гюго и Достоевского от Веры Стратиевской

Гюго - Достоевский

1.ПРОГРАММЫ МИЛОСЕРДИЯ ДОСТОЕВСКОГО

"собирательное творчество" (ПФ6 —ПФ2)
Программа: "Своё счастье создай себе сам!"

(+б.с.6) — среда обитания у Достоевского — активационная функция.

Среда обитания — это главное для этика из квадры рассуждающих, а тем более, —для инфантильного - интуита. Будет поддержка со стороны окружения, будет благоприятной для него обстановка, — он выживет. Нет, — так и надеяться нечего.

Но Достоевский надеется. Он оптимист (позитивист) и значит, всегда надеется на положительные изменения в будущем. Надеется на свою творческую интуицию потенциальных возможностей, которая обязывает его находить и открывать для себя новые и альтернативные средства к существованию там, где никому и в голову не придёт их искать.

Естественно, ничего запредельного он для себя не придумывает. Он ищет и находит все необходимые ему жизненные ресурсы в окружающей его среде. Она его кормовая зона. И соответствует его активационному аспекту сенсорики ощущений — а аспект этот собирательный (есть, что собрать с кормовой зоны, есть средства к существованию, нет — пиши, пропало!). Достоевский активизируется по своему собирательному активационному аспекту, когда есть, что собрать с кормового поля.

Одна беда — его "зона страха" по аспекту волевой сенсорики (-ч.с.4).

Чего боится этот "собиратель", унося с кормовой зоны то, что удалось найти и подцепить?

Прежде всего, он боится вызвать неудовольствие тех, для кого он и сам может быть потенциальной добычей и жертвой. Много хорошего и большого в клювике не унесёшь: обязательно это кого - нибудь привлечёт качеством и количеством поживы, обязательно налетят и отберут. У биологов это называется "инстинкт клепто-паразитирования" — отнимать то, что уже отхватил для себя другой и заставлять его с собой поделиться. А стоит только начать делиться с одним, сразу налетает целая стая. Выхватывают добычу из клюва и гоняются за "нарушителем устава стаи" до тех пор, пока не затравят, не заклюют, пока он обессиленный не упадёт

замертво. Кто тогда его детям в гнездо принесёт еду? — никто! Пропадут птенцы без заботы! И, значит тем, кто обделён силой и выносливостью нужно изобретать альтернативные способы решения проблемы. У маленького и беззащитного вся сила в изобретательности альтернатив. И в соответствии с этим нужно:

*быть незаметным, *выглядеть не опасным, * не претендовать на ту добычу, которая могла бы привлечь сильных и агрессивных соперников. То есть — добыча не должна быть завидного качества и крупных размеров, чтобы на неё никто из крупных и влиятельных не позарился (просто потому, что она бы его не насытила).* Желательно, чтобы сама пища была "безобидной" и "охотнику" не причинила вреда. А для этого лучше склёвывать что - нибудь мелкое, растительное и калорийное — то, на что зоркий глаз хищника не упадёт. И ещё нужно, чтобы "кормовое поле" было обширным и чтобы это было "его поле", чтобы он сам распоряжался всеми ресурсами на нём и сам решал, кого подпустить к закромам, а кого за дверью оставить.

Сам он очень хорошо знает, какой это страх и ужас оставаться за запертой дверью, которую захлопывают перед твоим носом те, что сейчас садятся обедать. И вообще, как это страшно, чувствовать себя незащищённым! Как страшно быть слабым и маленьким, которого каждый обидеть может, которого все теснят и выпихивают, потому, что он стесняется рассказывать о своих проблемах, стесняется кричать о них громче всех, потому, что тогда все на него ещё больше рассердятся. А это значит, что он не должен существовать среди лишённых жалости к слабым и страждущим.

А где же других-то найдёшь?..

И тут уже интуиция потенциальных альтернатив ему даёт ответ: если сейчас нет благоприятной среды обитания, значит её нужно создать или вырастить для себя, самому.

Так ведь, среда покамест "подрастёт"…

Но интуиция потенциальных альтернатив (-ч.с.2) оттесняет от себя аспект интуиции времени на подчинённые, антагонистические позиции и подаёт гениальный совет: "Считай, что благоприятная среда для тебя уже "выросла", она уже здесь, она вокруг тебя, она уже создана. Задача лишь в том, чтобы неблагоприятную среду "прямо сейчас" превратить в благоприятную, силой внушения, личным примером, силой убеждённости в своей правоте.

А где же силы убеждённости на всё взять?.. — А вот тут, извини, дорогой,— жить захочешь, будешь убеждённым в своей правоте во стократ, — так, что никто твою убеждённость не поколебит, как бы ни старался.

И возникает фантастически ЭКО-успешная (экологически успешная) информационная модель ЭИИ (этико - интуитивный интроверт, псевдоним "Достоевский"), программа которого сводится к благоприятным (этическим) позитивным и конструктивным преобразованиям окружающей среды посредством творческого применения

возможностных альтернатив с целью максимального развития "зон наибольшего благоприятствования" для успешного и благополучного существования в ней.

Программа: "Своё счастье создай себе сам!", "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью…" и мы будем преобразовывать этот мир в соответствии с самыми позитивными, самыми смелыми, самыми сказочными нашими планами, создавая благоприятную среду для всех. В том числе (и даже в первую очередь) для слабейших из всех, потому, что сильные сами о себе позаботиться могут, а заодно и о тех, кто нуждается в их помощи. А просить их о помощи — пустое занятие. Надо их убедить, что всеобщее преобразование мира в зону наибольшего благоприятствования для всех — также и в из интересах. (Потому, что, пока они своего интереса в этом начинании не увидят, почин не поддержат, а зарубят его на корню).

ЭИИ (Достоевский) — деклатим. А деклатим — значит убеждённый в своей правоте и готовый стоять за свои убеждения не на жизнь, а на смерть. Потому и требует от других (зачастую, непосильных) уступок в пользу своих интересов, потому и вымогает их ценой невероятного напряжения физических сил, что для него это вопрос выживания.

2. О ДЕКЛАТИМЕ И ДЕКЛАТИМНОСТИ:

Аспект волевой сенсорики (-ч.с.), проблематичная зона страха (-ч.с.4) воспитала из Достоевского (ЭИИ) деклатима — сильную личность, убеждённую в правоте своих притязаний. Способность концентрировать свою волю, пробивая сознанием своей правоты непрошибаемую стену упрямства своего оппонента — является характерным свойством деклатима, который этой особенностью демонстрирует готовность умереть за свои убеждения (потому, что в этой готовности весь силовой стержень его модели). Без этой убеждённости в своей правоте деклатиму не жить, она является для него жизненно важным, а потому и очень характерным, защитным свойством. Концентрируя свою волю на своей демонстративной и яркой убеждённости, деклатим принимает характерную для себя позу: крепко и устойчиво упирается ногами в пол, сжимает кулаки, надвигается лбом на собеседника, словно намеревается головой пробить стену его несогласия и упрямства. Лицо деклатима становится красным от напряжения, глаза с напряжённым вниманием глядят на собеседника, отслеживая появляющиеся признаки страха и сомнения на его лице, а не отследив, начинают округляться от нарастающего напряжения и выпирать из орбит. При этом "улыбка" "убеждённого в своих притязаниях деклатима" расплывается в угрожающий оскал и этот момент производит на собеседника наиболее сильное впечатление.

Принимая во внимание все вышеописанные сигналы (которые ещё часто усугубляются судорожными подёргиваниями от перенапряжения), оппонент идёт на уступки, если оппонент этот — квестим, — то есть тот, кто начинает сомневаться в необходимости продолжать отстаивать свою точку зрения, видя, что противоположной стороне крайне важно отстоять свою. Потому, что квестим (которого условно можно обозначить как "сомневающийся") никогда не бывает уверен, стоит ли его сопротивление того, чтобы

этот настойчивый человек тут же и взорвался от перенапряжения да так, что и сам бы себя этим убил и его бы этим порывом уничтожил. (Потому, что такие примеры в зоопсихологии тоже существуют: муравьи-солдаты (есть такая каста у муравьёв) взрываются, раздуваясь от перенапряжения, пресекая настойчивые попытки противника проникнуть на его территорию. При этом они и сами погибают, и противника уничтожают. А эта защитная программа существует сотни миллионов лет. При взаимодействии деклатима ("убеждённого") с квестимом ("сомневающимся"), квестим уступает деклатиму, потому что интуиция и эволюционный опыт подсказывают ему: надо уступить.

При взаимодействии двух деклатимов, желающих уступать не находится. Каждый готов взорваться, распаляясь и раздуваясь от решимости отстоять своё, но при этом не уступает. И взрывается, и распаляется, и отбрасывает противника взрывной волной к стенке. И шумит, и кричит, и кулаками машет, и побить может, и даже насмерть прибить. Но уступить не может, потому что для него это тоже вопрос жизни и смерти.

Поэтому задача преобразования неблагоприятной среды в благоприятную для Достоевского существенно усложняется: он не один такой убеждённый в необходимости любой ценой настаивать на своём. И из этих "убеждённых" он опять же оказывается самым слабым и самым маленьким. Значит в дополнение к убеждённости надо добирать ещё и другие весомые свойства.

Творческая интуиция потенциальных возможностей подсказывает ему ещё один, данный Богом, соционной природой и эволюцией информационной модели вариант: этико-интуитивный интроверт — стратег, поскольку интуитивные аспекты у него находятся в мобильном блоке модели. И значит свою "среду обитания", будущую свою "кормовую зону" он может вдоль и поперёк пропахивать и распахивать, подготавливая для себя удобное поле для сбора будущих урожаев, подготавливая для себя будущую свою "кормовую сеть". А что это такое в плане человеческих отношений? (потому, что с птичками уже всё стало понятно: что растёт, то и клюём.)

В плане человеческих отношений — это огромное количество окружающих, благорасположенных к нему лиц — друзей и родственников. Они и есть — обширная и всё более расширяющаяся сеть блюстителей его интересов и "держателей его акций", которые всё время растут в цене, потому, что этот человек становится им всё ближе и всё дороже, всё нужнее и важнее. Потому, что его все любят, у него множество хороших и добрых друзей, всегда готовых оказать ему и его друзьям добрую услугу. Просто так? Нет, за какую - нибудь ответную. Каждый человек может чем - нибудь при желании помочь своему ближнему. Было бы желание. А это желание Достоевский умеет пробуждать в людях силой своего убеждения, силой фантастического позитивизма своей программы "Своё счастье создай себе сам!", силой своего обаяния и очарования, силой своего желания удружить, быть полезным хорошему и доброму человеку. (Потому, что плохим он не помогает. Вы — хороший и добрый человек, поэтому он помогает вам, создавая неформальный союз добрых людей, помогающих друг другу.) А это уже лестно! Вступить в такой союз — дорогого стоит. А уж удержаться в нём… И вот тут — самое главное: чтобы удержаться в нём, надо всегда

быть безупречным с точки зрения Достоевского. А для этого надо стараться быть безупречным во всех отношениях, потому что требования Достоевского растут. Беспредельно расширять свою кормовую зону он не может: сбор урожая будет занимать слишком много времени, поэтому ему надо повышать качество выращиваемого продукта, качество плодов своего труда. А для этого необходимо создавать конкуренцию среди желающих ему услужить и удружить. Зачем? Чтобы в благоприятной среде обитания остались только самые благорасположенные к нему люди. А для этого надо периодически "отсортировывать" своих друзей — "отсеивать" менее благорасположенных от более благорасположенных, как заражённые спорыньёй колосья, чтобы не губили "здорового колоса" и не портили урожай (а то и всё поле). Чтобы никто из "сомневающихся" в его истинно добрых намереньях не настроил против него друзей. Поэтому Достоевский постоянно повышает планку требований, проверяя доброе расположение к нему окружающих и их готовность ему доверять, что для него как "сеятеля" чрезвычайно важно.

Общеизвестно, что Достоевский хорошо знает, кто как к кому относится в среде его обитания, но имеет сомнения относительно того, как относятся к нему. В отличие от Драйзера, который (тоже программный этик, но квестим) всегда знает, как к нему относятся, но не слишком интересуется, взаимоотношениями вокруг себя. Почему это?

Различие в программных целях: Достоевского среда кормит. А Драйзер защищает среду, которая кормит команду, интересы которой защищает Драйзер, как самый неподкупный страж. И потому со всеми членами команды старается держать отдалённую дистанцию, за исключением основателя и капитана команды, своего дуала Джека. Интересы Джека — интересы команды. И его, как своего непосредственного начальника и друга Драйзер подпускает на близкую дистанцию. По отношению к себе — защитнику интересов команды, — он чувствует врага или друга интересов команды. Всякий, кто хочет перехватить у "капитана" власть, сначала пытается переманить на свою сторону его "телохранителя", Драйзера. И по косым, настороженным взглядам, и по попыткам подкупить, подольститься или подступиться к нему на близкую дистанцию Драйзер безошибочно узнаёт "злоумышленника". И лично ему всё равно, как относятся к нему все, кроме "капитана" — непосредственного его партнёра и спутника жизни. Потому, что с "капитаном" команды он не только дружит, он капитану и служит. И ради него готов рискнуть всем. С капитаном он готов делить голод и холод, С капитаном он готов делиться последним. Ради "капитана" он может пойти на самые крайние жертвы. Драйзер — тактик и работает на близкие, локальные цели, на близкие, ясные реально очерченные задачи. Таково свойство его этической программы.

Достоевский — стратег. Он работает на среду обитания, среда обитания работает на него. Он затапливает среду обитания солнечным теплом своей души, разливая его щедро и всем поровну. За это все осчастливленные им и его вниманием обращают к нему самые лучшие и самые благодатные порывы своей души, подобно тому, как подсолнухи обращают свои головки к солнышку: куда солнышко повернёт, туда и они смотрят. Солнышко смотрит в счастливое светлое будущее, и они — туда же. Солнышко нахмурилось косо на кого - то посмотрело, и они от того отвернулись и не смотрят в его сторону.

И в этом Достоевский (как его полная противоположность) похож на Гамлета. Гамлет, с его далёкой интуицией времени — Курьер Далёкого Светлого Будущего. Он знает, — Город будет, он знает, — Саду цвесть. А у Достоевского уже и город счастья построен, и сад цветёт в полную силу. И в этом городе Достоевский — "полезный связной для всех". Все связи держатся на нём и только на нём. И ни на ком больше.

Как ему это удаётся?

А потому, что — стратег, он владеет ситуацией и умеет работать с информацией на вверенной ему территории. У Фёдора Михайловича Достоевского есть великолепный роман "Подросток". Роман о молодом человеке, который приезжает к своим родственникам, сваливается, как снег на голову. И чувствует себя заблудившимся в тёмном лесу скитальцем без компаса и ориентиров. Потому, что ровно ничего о семейных тайнах своей родни не знает. Не знает, у кого какая печаль на сердце, у кого какая беда в доме. И поэтому на каждом шагу попадает впросак, вся его жизнь превращается в сплошной кошмар, ближайшие родственники — во враждебную среду, а среда обитания — в "минное поле". И всё потому, что он приехал к родственникам информационно не подготовленным. Явился к ним нежданно-негаданно, как "инопланетянин" и воспринимался ими, как "инопланетянин" — чужой, враждебный и совершенно не понятный элемент. Чуть жизни не лишился из-за своей неосведомлённости.

А ничего страшнее этого для ЭИИ нет: среда — его благодатное поле, среда его кормит и поит. И это именно та ситуация, которую он на своём поле старается не допускать, считая непременной своей обязанностью собирать обо всех и каждом и об окружении всех и каждого максимально полную (исчерпывающе полную) информацию.

Но именно в положение "инопланетянина", свалившегося с луны он ставит каждого своего "подопечного", каждого члена своей "паствы", который со временем становится и "жертвой" стремительно возрастающих притязаний требовательного ЭИИ — беспомощной жертвой, застрявшей в паутине его "кормовой зоны", беспощадно обрабатываемой им и его "сподвижниками" со всех сторон. (А иначе, — какой бы он был стратег, если бы не смог на своём поле прежде всего создать ядра "активистов", вовлекающих в процесс нравственного переустройства общества всё новые и новые силы?)

Каждый из новичков попадает в положение инопланетянина и видит только верхушку айсберга — ослепительно белую, как ангельское крыло, но не видит опасностей, которые таятся под тёмной водой.

3. СИСТЕМНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ПО (+)БЕЛОЙ ЛОГИКЕ

Создавая для себя благоприятную среду обитания, ЭИИ одновременно создаёт УСТАВ и для своей среды, и для себя. Поскольку он теперь главный в этом "птичнике", в его обязанности входит всё обо всех знать, всем всегда быть полезным, чтобы стабильно поддерживать к себе благожелательное отношение. Он никогда ничего не должен

забывать из того, что важно для его окружающих. Он не должен упускать ни одного случая быть им демонстративно полезным. Даже, если он не может предложить им реально полезную услугу (а он этого делать и не собирается, поскольку это противоречит его стратегическим целям и обязанностям), он ограничивает свою помощь некоей бутафорской "демо - версией), но предложить что - нибудь он обязательно должен (более того, он обязан навязать свою бутафорскую пустышку, силой навязать и силой же заставить её принять, чтобы проблема считалась решённой), иначе, на его место найдут другого желающего быть "полезным связным". В его сторону моментально повернутся все головы. Он будет для них —новое "ясно солнышко", он один будет склёвывать весь урожай. А прежний "сеятель" окажется перед закрытой дверью — такова будет награда за его усилия и начинания. Этого Достоевский позволить себе не может. Поэтому с конкурентами он тоже считает себя обязанным бороться.

Как мастер информационной войны, он умеет собирать информацию со своего поля, умеет должным образом (и в нужном ключе) её обрабатывать и преподносить. Как истинный стратег, он регулярно обходит дозором свои владенья и всегда оказывается в курсе всех событий и всех дел. Если у кого - то из его "подопечных" появился новый друг или объявился старый, Достоевский первым узнает об этом человеке абсолютно всё. К новичкам на своём "поле" относится крайне подозрительно. По своей негативной интуиции потенциальных возможностей (-ч.и.2) рассматривает их как потенциальных конкурентов: если они появились на его поле и явились неизвестно откуда к "его людям", значит есть у них в них какая - то нужда. И как ушлый лавочник Достоевский старается перехватить "пришельца", который может оказаться и выгодным потребителем его "услуг": "Чего изволите-с? — дружбы, любви, общения по интересам? Материальной и информационной помощи? — у нас всё есть и по самым низким ценам!"). Новичок может оказаться потенциальным конкурентом. Поэтому работа с "пугалом" — с устрашающей информацией, позволяющей прогнать с поля потенциального нового "гуру" им тоже проводится.

(Один молодой человек ЭИИ (Достоевский) втёрся в доверие к своей школьной учительнице географии (ЭИЭ), почтенной и респектабельной владелице шикарной двухкомнатной квартиры и великолепной коллекции фарфора. Дружба ученика с этой дамой началась с дополнительных занятий по географии, а продолжилась уже после школы и становилась всё тесней и тесней. Так что, однажды молодой человек был представлен обществу как приёмный сын этой учительницы. И хотя свои родные родители у него тоже были и жили на соседней улице, он всё своё свободное время поводил в доме учительницы, заботился о ней. Рядом с ним она не чувствовала себя одинокой. Хотя не раз его спрашивала: "А что будет, если у тебя когда-нибудь появится девушка?.." Девушка появилась нежданно - негаданно, не у него, а у неё. Приехала откуда - то из глубинки поступать в столичный ВУЗ её единственная близкая родственница, родная племянница и попросила у тётушки разрешения на время вступительных экзаменов пожить в её квартире. Тётушка посоветовалась с "приёмным сыном" и отказала. Племянница не прошла по конкурсу в институт, но захотела остаться жить и работать в столичном городе и попросила тётушку временно прописать её в своей квартире. Тётушка посоветовалась с "приёмным сыном" и он убедил её отказать племяннице и в этом ("Как можно! У нас такие условия! Ей не захочется уезжать

отсюда! У нас коллекция! У нас фарфор!..") Племяннице отказали. Племянница вспомнила, что у тётушки есть ещё одна свободная квартира — попроще и попросила разрешения пожить и временно прописаться там. В этом ей тоже было отказано. А дальше молодой человек взялся "опекать" всю "свиту" "приёмной мамочки", которая у неё, как у ЭИЭ, состояла вся сплошь из "людей со связями". И "замкнул" всю свиту на себе. И вскоре сам стал решать, кого и к каким связям допустить. Дела его продвигались очень успешно, он учился в университете, на его имя было завещано всё имущество его бывшей учительницы географии. Но однажды он стал жертвой ограбления со стороны недавно освободившегося из колонии вора-рецидивиста, который жил по соседству с его родителями. Сосед-рецидивист зашёл к его родителям, попросить у них денег и попал на него. Денег молодой человек соседу не одолжил, попытался его выгнать и… был убит. Его приёмная мать этой трагедии не пережила. Племянница в положенное время вступила в права наследования.)

4. ДОСТОЕВСКИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЯХ И МИССИЯХ

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ: "ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК"
СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ: "БЛАГОЕ ДЕЛО"

Обязанности распределения "продуктами благорасположения", накапливающимися в процессе взаимообмена добрыми услугами и подарками Достоевский непременно берёт на себя. Как "главный сеятель" разумного, доброго, вечного", он берёт на себя обязанности и "главного по урожаю". Предусмотрительный Достоевский обязан быть предупредительно заботлив, считает себя обязанным быть в курсе проблем всех и каждого, чтобы заранее знать, кому и чем он может быть полезен, что и для кого он может сделать, кого с кем свести, кому что преподнести.. Он часто и сам не выбрасывает многие старые вещи и других просит не выбрасывать — мало ли, кому- то вещь может понадобиться. Если она сохранила свои функциональные свойства, её ещё можно кому - нибудь подарить и избавить человека от необходимости тратить деньги на покупку новой вещи. (Так, например, одной семье новосёлов навязали в подарок подержанную стиральную машину. Те, как чувствовали, не хотели её принимать. Но услужливая родственница - Достоевский им эту вещь, навязала буквально силой. Уговорила кого-то доставить им её на квартиру, и пришлось им её принять — не отправлять же обратно! Машина оказалась ещё "той штучкой"! То она протекала и заливала соседей снизу. То во время отжима начинала дико подпрыгивать, сокрушая пол. Отдалялась от розетки на всю длину шнура и, если никого из хозяев поблизости не было, выдирала шнур вместе с розеткой. Вместе с машиной в их дом пришло и "горе -злосчастье"! Сколько трат они из - за неё понесли! Сколько неприятностей перетерпели. И ни у кого не хватало ни сил, ни решимости дотащить эту "дрянь" до помойки, а вместо неё купить в рассрочку новую. Так они от этого "монстра" и не избавились. Потом уже и квартиру и эту и машину вместе с её "горем - злосчастьем" они продали другим людям". А сами переехали жить в другой город, а потом и вовсе покинули эту страну.

Общеизвестно, что в диаде Штирлиц - Достоевский стараются ни покупать, ни приносить в дом вещей плохого качества: "скупой платит дважды". Известно, также, с

какой ожесточённой настойчивостью навязывает Достоевский некачественные, "злосчастные вещи" в порядке оказания "добрых услуг", что больше напоминает "порядок": "Возьми себе Боже, что мне не гоже!". Отчасти это объясняется и тем, что аспект волевой сенсорики (-ч.с.4) не является приоритетной ценностью в модели Достоевского. Отношение к качеству оказываемых услуг остаётся условным, часто формальным, что и превращает "миссию благодеяния" Достоевского в некоторую карикатуру на саму идею взаимопомощи. Так, что и "засеянное" Достоевским "поле добрых услуг" со временем превращается в этакую мнимо- реальную, по- детски наивную и убогую, как поделка дошкольника, "Скатерть - самобранку", в этакое убогонькое "Поле Чудес" "районного масштаба", на котором обильно "произрастают" и потёртые куртки "для папы Карло", и стоптанные сапоги "для папы Педро" и поношенное пальто "для тёти Маши", которое пока ещё весит где - нибудь в чужом шкафу, а могло бы приносить и пользу.

Необходимость принимать услуги с этого "поля", приобщает человека к контингенту "сирых" и "убогих". Так, что и принимаются они "страждущими" неохотно. Но тем более настойчиво навязываются: "Оказался в положении "страждущего", — сиди в яме и голову не поднимай, жди, пока тебе подадут", что, конечно, удручает человека, заставляя его смиряться со своим бедственным положением и опускаться "по рангу" всё ниже и ниже, в той "богадельне", которую Достоевский выстраивает как "братство равных по взаимопомощи".

Услуги в этом "братстве" можно получить самые невероятные. Был случай, когда одна такая милая дама (Достоевский) наладила сеть "службы доверия" для получения заочных психологических консультаций "для себя и своей паствы" через "доверенное лицо". У её "доверенного лица" (ЛИЭ, Джека) — одной из активисток её "секты" (давно переписавший по завещанию свою шикарную, трёхкомнатную квартиру в Питере (тайком от мужа и троих сыновей-школьников) на имя своей "святой наставницы"), оказалась школьная подруга-психолог, способная "разрулить" проблемную ситуацию неплохим психоанализом по подробному, заочному её описанию. Несколько консультаций "доверенное лицо" по старой, школьной дружбе получила, после чего ей "сверху" спустили задание, затащить психолога - консультанта в секту. Была война, жестокая, беспощадная, которая закончилась для психолога инфарктом и ещё множеством всяких хвороб. Не говоря уже о жестоком разочаровании в школьной подруге — единственном близком человеке за последние несколько лет.

Широкий спектр творчества открывается перед Достоевским в его "кормовой зоне". Сложность заключается в том, что трудно Достоевскому одному всё пропахивать, трудно одному быть "полезным связным" при такой разветвлённой, расширенной сети. А ограничивать себя в территориях Достоевский тоже не может. По белой сенсорике (+б.с.6) он их активно накапливает. По чёрной сенсорике (ч.с.4) изо всех сил защищает и удерживает за собой. Сил и времени на всё не хватает, а поручать дело кому - нибудь из "своих" тоже опасно. Перехватит кормовую зону, не отобьёшь, не отвоюешь потом назад своё, "кровное".

Времени на обработку "своей территории" затрачивается огромное количество:

приходится "пастырю" приходить без звонка к занятым, но пока ещё отзывчивым людям в чужой дом. Объясняя свой визит мнимо-реальным "поручением" (отработанным по заранее продуманному плану), под предлогом "передать от некоей доброй женщины тёплые, шерстяные носки" (купленные по дороге на улице у бедной старушки за полушку), гость возникает на пороге. "Заглотнув приз" и поблагодарив за "подарок", гостеприимные хозяева проводят нежданного посетителя на кухню, где скромный и неприметный "воробышек" сидит себе, греет табуретку, чаёвничает часами, вытягивая у словоохотливой хозяйки всю необходимую информацию, подмечая все "бреши" и "дыры", которые он сейчас может своими псевдо- подарками и псевдо -услугами благополучно "заткнуть", создавая у хозяйки видимость защищённости и уверенности в завтрашнем дне (работа по демонстративной интуиции времени ближайших перемен: + б.и.8). Вот посидит так, почаёвничает денёк, другой, третий, этаким благолепным Тартюфом в печёнки влезет, а там, глядишь, — и понесёт к себе, домой "в клювике" дарственную (на квартиру, машину, дачный домик на шести сотках за городом, "в котором всё равно никто не живёт, а добрым людям от этого польза будет"), про которую ни муж, ни дети гостеприимной хозяйки до поры - до времени не узнают и ещё какой - то срок будут жить себе беззаботно и счастливо, даже не догадываясь, что остались без крыши над головой.

Конечно, какие - то пустяковые дела — перехватить важную информацию, получить нужную консультацию ЭИИ может поручить и другим, но лучше самому держать руку на пульте управления отношений всех и со всеми и самому ими руководить, направляя в должное русло. Как стратег (-ч.и.2), и конечно же иерарх (+б.л.3) он не может передавать бразды правления в чужие руки. Он никому "не разрешает" ни действовать через его голову, без его согласия, ни управлять от его имени.

Случается, приходит он "по делу" с подарком к отзывчивым и добрым людям — хотя бы с детскими шерстяными носочками, которые "специально связала" для них тётя Маша в благодарность за тёплое пальто, — глядь, а у них уже новый "полезный связной" на кухне сидит, к себе располагает, светлым голубем к ним залетел. Но недаром голубей считают самыми агрессивными птицами, жесточайше убивающими друг друга в сражениях — куда там, до них петухам!

Как бы то ни было, Достоевский не унизит себя до прямой агрессии. Про "конкурента" можно будет потом сочинить жутко правдоподобную небылицу (поставить на него "пугало") и его прогонят с поля, оставив за закрытыми дверями. А пока что, его надо к себе расположить, разговорить и разузнать о нём побольше нового и интересного, чтобы решить, как можно разыграть эту кату дальше.

Достоевский по своей "миролюбивой этике отношений" (+б.э.1) "не понимает" людей, которые умудряются наживать себе врагов. Он не понимает, как это у них так получается! Достоевскому, чтобы уничтожить своего врага, надо сначала с ним подружиться, потом присмотреться к нему и научиться им манипулировать — то есть, посмотреть, как и на что человек реагирует, на что "ведётся", на что "покупается", какова у него инертность мышления, настроения, каковы реакции на различные раздражители. Как быстро до него доходят "комплименты", как быстро он умеет их

отличать от лжи и иронии. Как быстро он переключается на настроение собеседника, как скоро начинает поддаваться его влиянию. И как далеко можно его этим влиянием завлечь.

Для полной ясности Достоевскому необходимо определить систему ценностей и приоритетов его собеседника, понять, что для него истинно, что ложно, что приятно, что неприятно. Индуктивное мышление и мощная интуиция позволяют ему по частностям восстанавливать целое. Так, что вскоре он получает более, чем полное представление об этом человеке.

Как представитель квадры аристократов, организовавший свою иерархию, Достоевский разумеется дорожит своим приоритетным местом в ней и никогда никому его не уступит. Это его круг, это его друзья и его мнение в этом кругу — решающее. Как представитель квадры аристократов, вне отношений соподчинения Достоевский взаимодействия себе не представляет.

И здесь опять же, его выручает декламатимная убеждённость в своей правоте и в своём праве определять человеку место в своей иерархии. Выручает способность (стратега - аристократа- декламатима- статика) навязывать человеку устав своей иерархии и обращаться с этим человеком так, будто он уже находится у этой системы в подчинении. Исчезает куда - то деликатно - доброжелательный тон Достоевского, появляется командный голос и властные интонации и вот он уже смотрит волком, глядит ненавидящим взглядом и говорит с "новичком" в повелительном наклонении. Если человек и после этого игнорирует повелительный тон Достоевского (пропускает его как демократ[1], например, мимо ушей), обращается с ним на равных, по-прежнему не понимая, кто здесь главный, Достоевский, как истинный аристократ, отказывает ему в своей дружбе, закрывает для него двери своего дома. И другие должны будут последовать его примеру. (И это значит, что появившегося на чужом поле "новичка" можно ещё поздравить: он спасся от беды малой кровью).

---

[1] Демократ психологически не способен существовать в условиях отношений соподчинения. Демократическая система координат и демократическая линия поведения "выпирает" и проступает на каждом шагу, проявляется в каждом его поступке, что само по себе уже приводит в отчаянье каждого представителя квадры аристократов, который и сам начинает чувствовать себя беспомощным и униженным своим бессилием перед всем этим.

Но всё это допускается только в том случае, если человек не желает подчиняться уставу группы, не желает признавать лидером Достоевского, не желает "учиться добру" и "играть в благотворительность", но продолжает приходить в гости к друзьям и родственником на сдобные пироги, рассчитывая на тёплый приём.

По требованию (и благодаря информационной войне) Достоевского в тёплом приёме этому гостю отказывают, потому, что все "положенные" авансы ему уже давно "выплачены", а отрабатывать их "добрыми делами" он, судя по всему, не собирается. Не понимает и когда ему откровенно говорят: "иди к обиженным, иди к униженным, иди и делай добро!", спрашивает их, как непонятливый: "А что я там забыл?"

Когда ему дают понять, что он находится в некоем приоритетном обществе, где все живут по совершенно иным нравственным меркам, купаясь во взаимной любви и согласии, во взаимном доверии и благорасположении (как при Далёком и Светлом Будущем), но за это они и платить обязаны добросердечием за сделанное им от чистого сердца добро. "Какое добро? — спрашивает "инопланетянин". — Где вы здесь видите добро? Насильственный взаимообмен неприемлемыми услугами и обношенными чулками-варежками вы называете добрыми делами?!". И всем сразу же становится ясно, что "товарищ не понимает " решительно ничего! "При чём здесь чулки и варежки?! — налетают они на него возмущённой толпой. — Вы не понимаете, что пришли в Школу Добра?! В этом доме вас учат добру, учат быть щедрым, отзывчивым, добрым — таким, каким вас могут все полюбить! И мы уже были готовы вас полюбить как равного! Но вы сами всё портите своим упрямством! Какая разница, какою вещью обмениваться? Главное — научиться жить для людей! Вот, что самое важное! И это прежде всего!"

И тут, наконец-то раскрываются карты! Действительно, какая разница, каким объектом обмениваться для того, чтобы выработать в себе на инстинктивном уровне рефлекс отдавать другим всё, что ни попадает к тебе в руки? Вот всё, что ни попало, передай другому, а в твоих руках пусть ничего не задерживается. Отдавай всё, что руки держат! Отдай всё лишнее, отдай всё не лишнее, отдай то, без чего ты можешь обойтись и то, без чего обойтись не можешь — всё отдай, даже не ожидая награды, отдавай и будь счастлив этим. И научись получать удовольствие от собственной щедрости — это и есть высшее наслаждение в жизни! Высшее счастье и высшее блаженство!

Вот, точно так же, как в детском саду, встав в круг дети перебрасывают мяч от одного к другому, отрабатывая навыки броска и приёма мяча, так и тут перебрасываются полезными и бесполезными вещами разной цены и значимости, не замечая в этой суете, отсутствия эквивалентного соответствия этого обмена: отдают хорошие вещи, а принимают плохие. Какая разница, дорогую ты в руки вещь получил, или дешёвую, не задерживай её в своих руках, отдавай, отдавай, отдавай!

Получается, в этом светлом и сказочном обществе добрый "гуру" прививает своей пастве автоматические навыки ПОСТОЯННОЙ РАБОТЫ "НА ОТДАЧУ". Получается, "обрабатывая" в таком ключе окружающих среду, он подготавливает для себя удобные условия для будущего безопасного накопления завоёванных и перехваченных им материальных благ. А вся эта оголтелая эмоциональная гонка необходима ему только для того, чтобы окончательно отучить "подопечного" различать и оценивать материальные объекты по их качеству, перестать желать приобрести для себя объект лучшего качества, заставить его ПЕРЕСТАТЬ ОТЛИЧАТЬ РАВЕНСТВО ОТ НЕРАВЕНСТВА в соответствии с отсутствием прав на обладание различными по количеству и качеству объектами.

(Получается, что таким неординарным, хотя теперь уже распространённым путём, Достоевский всего - на всего воюет с анти - ценностями своей модели, волевой сенсорикой Жукова (-ч.с.4) и логикой соотношений Максима (+б.л.3), с антагонистичными аспектами своего уровня СУПЕРЭГО, с приоритетными ценностями антагонистичной для него второй квадры.

И как часто, ввиду способности "дрессировать человека на уступку", преодолевая своим волевым напором его отчаянное сопротивление, "наезжая" на него своей контактной, иерархической логикой, навязывать ему чувство вины и заставлять его бесконечно долго работать только на отдачу, Достоевский, по экспансии и агрессивной жестокости, проявляющейся в этот момент, становится поразительно похожим на Максима ("дрессировщика №1" в соционе), порабощающего тупой муштрой. И как часто из - за этого путают нормативный иерархический авторитаризм Достоевского с программным иерархическим авторитаризмом Максима.)

И желание "всех уравнять в правах для любви и согласия" здесь тоже совершенно не при чём.. И эти речи здесь о "братстве - равенстве" — тоже ведутся от лукавого! Какая уравниловка может быть при нормативной (КОНТАКТНОЙ) иерархической логике соотношений Достоевского (+б.л.3)?! Достоевский сам представитель квадры аристократов. И унижая других, он возвышается сам, занимая их место в обществе. А оттесняя других в нижние слои иерархии, приучая "к кротости и уступчивости", он реально превращает каждого из них в потенциальную "жертву" — в человека, которому реально предстоит увеличить собой число СОЦИАЛЬНО ОБРЕЧЁННЫХ .

5. "ЭНЕРГИЯ, ПОСЛАННАЯ В НИКУДА", "ШАР", ОТБИТЫЙ В "ПЯТЫЙ УГОЛ"

Посылая "благополучных" к обиженным и униженным, (а именно — к "социально опущенным и опустившимся") фактически отсылает их туда, откуда в социально защищённую среду не возвращаются. И прежде всего, потому, что теперь они ответственны за тех, кого к себе "приручили" и значит обязаны оставаться среди них. В связи с чем, они неизбежно абсорбируются той самой средой (тем "болотом", той "ямой"), из которой хотели вывести "небезнадёжных" и сами пополняют число "униженных и оскорблённых", оставаясь с теми, кого они хотели спасти.

По сути все эти "посылания к униженным и оскорблённым" (к "третьим лицам") является перераспределением избыточной энергии идеалистически настроенных альтруистов, желающих спасти мир своим энтузиазмом, оптимизмом и нерастраченным энергетическим потенциалом. Для Достоевского (который боится всего избыточного — избыточных сил, избыточной энергии, избыточной воли и свободы тех, кого он хотел бы держать в узде) всё это является актом перераспределения и подавления "избыточной энергии" не в меру инициативных и потенциально опасных для него "активистов", для чего он и направляет их "в яму, в болото" — туда, откуда не возвращаются и где их активность не будет реализована, а перегорит в самой себе. (Достоевский отбивает её как "неудобный мяч" в "пятый угол" он одновременно и истощает их энергетический потенциал и приглушает такой опасный для него энтузиазм конкурентов.)

Навязывая "благополучным" чувство вины перед "социально обречёнными" за своё более благополучное существование, он заставляет "благополучных" (по давлением инерции навязанной им социальной ревизии, переходящей в жёсткий самоконтроль) оставаться среди "социально опустившихся" бесконечно долгое время, заставляя там, среди них искать своё счастье и находить своё место в жизни. И эта самая обычная и распространённая схема системных манипуляций Достоевского, по +б.л.3) — весь мир должен "рискнуть своим будущим", чтобы он благополучно и не напрягаясь, добрёл до желаемой вершины социальной пирамиды и занял там достойное и подобающее ему место. "Последний" (из среды "самых слабых") становится самым "первым" (в среде самых благополучных), оттесняя прежних "благополучных" к "опущенным и опустившимся" на социальное дно.

(В семье одной милейшей женщины, СЛЭ (Жукова) периодически происходило одно и то же не счастье: её дочь, ИЭЭ (Гексли), милая, интеллигентная девушка, одержимая манией благотворительности, искала себе жениха исключительно в бомжатнике, только среди бомжей и обязательно на помойке. Именно оттуда ей хотелось вытянуть счастливый билетик своей судьбы. И непременно так, чтобы из мусорного бачка вынуть потенциального принца, привести домой, отмыть, приобщить к духовным и материальным ценностям, оставить его в семье на положении мужа, уравнять в правах вместе со всеми другими членами их семьи и сделать его, пожизненно благодарным ей, и её близким. О других вариантах она и слышать не хотела. Вот только самого убогого, униженного и обиженного судьбой ей и подавай. И каждый раз это оборачивалось трагедией для неё и её родных (потому, что по-другому и быть не могло, в свете существующих психологических закономерностей). "А кто её замуж возьмёт после таких мужей? — сокрушалась мать. — Она теперь сама на себя не похожа, а такая была милая, интеллигентная девочка!")

6. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ "МЕСТ" В СИСТЕМЕ

Привыкшему к унижению и постоянным уступкам человеку нечего и мечтать о том, чтобы снова занять достойное место в жизни! Так что и вся эта игра "на понижение экологических нормативов" (понижение уровня материальных запросов и экологических потребностей, понижение уровня социального статуса и понижение социальных запросов), вся эта игра в превращение свободного человека в раба на "сказочном острове счастья" — является удобным способом вытеснения "потенциально опасных" на менее приоритетные позиции с тем, чтобы самому господствовать над ними. И находит своё отражение в античном мифе о путешествии Одиссея на остров прекрасной и "доброй" волшебницы Цирцеи, которая устроила для его воинов (покорителей Трои!) праздничный пир, а потом, напоив их волшебным вином до свинячьего и поросячьего визга, превратила их всех в свиней и отправила на скотный двор, сказав: "Ступайте к свиньям, — там ваше место!"

С развязной беспечностью "посылая к свиньям" того, кого бы он хотел приручить, ЭИИ действительно довольно часто попадает в неловкую ситуацию. (Примерно такую же, в какую попала и сама Цирцея, слишком рано начавшая торжествовать свою победу).

Идя на уступки для того, чтобы взять реванш, Достоевский иногда слишком рано начинает издеваться над поверженным противником. И теряет контроль над ситуацией.

Одна милая девушка ЭИИ (Достоевский) вышла замуж за ЛСИ (Максима). Причём, взяла его измором: она была несовершеннолетней, когда забеременела от него, и ЛСИ представил её своей матери ЛИЭ (Джеку) как невесту. После рождения ребёнка брак распался. Оставив ребёнка на попечении матери, ЭИИ стала искать счастья на стороне. Не нашла. И стала захаживать к бывшему мужу, который к тому времени переехал со своей матерью на другую квартиру. Свекровь ЛИЭ, надеясь на возможное воссоединение супругов, не возражала против этих визитов и позволяла бывшей невестке и приходить, и оставаться у её сына на ночь. Но однажды ночью в комнате сына произошёл скандал. Он каким - то образом оказался в коридоре, почти без одежды и никак не мог попасть к себе в комнату, которая была заперта его бывшей женой изнутри. Свекровь ЛИЭ оттеснив сына плечом, навалилась на дверь и сорвала замок. Влетев в комнату сына, она увидела на его кровати бывшую невестку, преспокойно читающую журнал. "Что происходит? — спросила свекровь. — Почему ты не пускаешь Андрея в комнату?"

"Место мужа в прихожей на коврике!" — нагло ответила бывшая невестка и, поплевав на пальцы, перевернула страницу журнала. "Что ты сказала? — не поняла свекровь. Ей показалось, что она ослышалась.

"Место мужа в прихожей на коврике!" — повторила невестка, улыбаясь. (Видимо очень довольная собой). И отвернулась, продолжая читать журнал. В следующую секунду свекровь ЛИЭ сгребла невестку в охапку, вышла с ней на руках в прихожую и скомандовала сыну: "Открывай!" Сын открыл входную дверь и невестка вылетела на лестницу в чём была. Через минуту из квартиры вылетели её вещи.)

7. ТО, ЧЕГО ДАЖЕ ВРАГУ НЕ ПОЖЕЛАЕШЬ

Для самого Достоевского нет ничего страшнее, чем оказаться лишённым опеки изгоем, выброшенным на улицу без права вернуться домой. Нет ничего страшнее, чем оказаться на социальном дне бездомным, покинутым, обречённым на медленную и страшно унизительную смерть на помойке среди утративших свои права на жизнь, утративших человеческий облик, униженных и обиженных жизнью некогда свободных и благополучных людей. Но он не забывает о том, что может оказаться там в любую минуту, хотя и гонит от себя эти представления. Оказаться в компании озлобленных, опустившихся, спившихся, грязных людей, вечно пьяных, больных, сквернословящих! Разве можно себе представить что - нибудь худшее? Пусть уж лучше кто - нибудь другой окажется между ним и теми, которых теперь и людьми - то не назовёшь. Достоевский панически боится пьяниц (пьяный человек опасен: он может поколотить!) Достоевский органически не переносит физического насилия и нецензурной брани. Особенно, если она отпускается в его адрес. Позволяя себе проклинать других, угрожая: "Вот попомнишь мои слова!.. Вот увидишь, тебя Бог за это накажет!.. ", он сам чрезвычайно боится проклятий и ругани. Попадая в лавину сквернословия, он зажимает

уши руками, лицо его искажается страданием, он вертит головой во все стороны, словно старается стряхнуть с себя эти страшные образы. Для него эти слова обретают реальную силу, становятся физически ощутимыми и глубоко травмируют его воображение и его слабую сенсорику ощущений. Достоевский очень впечатлителен и раним, он даже бытовых, сленговых выражений не позволяет в своём присутствии употреблять, делает замечание через два слова на третье. Представить себя в том аду, где все выражаются подобным образом и нет никакой другой лексики, кроме этой? — да за что на свете! Да разве может человек, привыкший исключительно к изящной словесности существовать такой компании? Разве может позволить себе такой нежный и кроткий, такой сладкоголосый Орфей спуститься туда? Да ни за какой Эвридикой!

8. СОЗДАНИЕ "БУФЕРНОЙ ЗОНЫ"

Таким образом, вся "воспитательная миссия" ЭИИ, по большому счёту, сводится к созданию между собой и "униженными и оскорблёнными" ("детьми подземелья") некой "буферной зоны", заполняемой активно надрессированными "на отдачу", склонными к тщеславному самопожертвованию, но пока ещё благополучными и свободными в своём выборе людьми. ЭИИ — фаталист, жизнелюб и этим "потенциалом" он покупает себе новый запас прочности, новый запас времени и новое право на продление, обеспеченного и благополучного будущее на этом празднике жизни за чужой счёт.

Вот и получается, что вся эта ложь "во спасение всего человечества" в заботе об общем благе и ожидаемом вселенском счастье на деле оказывается ловко раскрученной аферой. Экстраверту-тактику Гюго даже не снились те масштабы раскрутки "клиентов" на всеобщем празднике жизни, какие организовывает интроверт, интуитивный - стратег Достоевский на своём "кормовом поле". И если открытый и прямодушный Гюго, оставляет своей новой "жертве", хоть что - нибудь на новую раскрутку и на подъём, то предусмотрительный Достоевский, у которого от страха "глаза велики" забирает всё, не допуская "униженного" до потенциально возможной мести. Сначала обескровливает его по инерции — "надо брать, пока дают, не обижать же человека, который отдаёт от чистого сердца", потом уже трудно воздерживаться от искушения забрать то, что само идёт к нему в руки (инерция стяжательства по собирательной сенсорике ощущений активизировалась, а у Достоевского этот аспект находится в инертном блоке и останавливаться ему на полпути ещё трудней, чем Гюго, у которого этот аспект манипулятивный и управляемый отчасти сознанием, отчасти витальным блоком, демонстративной волевой сенсорикой, хотя, конечно и он "приостановку банкета" и фрустрации связанные с этим воспринимает болезненно.

Но Достоевский - то и здесь опередил Гюго: его же никто не фрустрирует, когда он "переходит границы". Ему же сами несут и сами отдают. Он и здесь подстраховался. У него методики бесперебойные. Он ведь, какой прочной паутиной обязательств опутывает человека, прежде, чем начать с ним "работать"! Даже, когда общается наедине, только и слышно: "Обещай мне, обещай… обещай!.." А пообещаешь, никуда уже не денешься, — ты уже ЭИИ пообещал. И он будет и вспоминать про это обещание на каждом шагу и требовать в соответствии с ним всё большего и большего. Гюго так никогда не делает. Гюго часто вообще забывает об обещаниях которые ему дают, за

исключением каких - то глобальных обещаний по наблюдательной белой этике (+б.э.7), да и о тех забывает, по своей слабой интуиции времени.

А Достоевский ничего этого не забывает. У него демонстративно хорошая память (+б.и.8). Познакомившись с новым и располагающим к себе человеком, Достоевский может ещё в день знакомства взять обещание, что этот человек будет отныне ему каждое утро (время указывается) звонить и осведомляться о добром здравии. И попробуйте один раз не позвонить — просто так, для интереса попробуйте! — по истечении контрольного времени раздаётся звонок: "В чём дело?! Что случилось?! Почему вы не позвонили вчера?! Мы все так переволновались! Не знали уже, что и думать!" Человека уже взяли "в сетку", в систему отношений, в систему традиций. Теперь его по каждому пункту "сбоя программы" контролируют и вырваться из этой программы он уже не может. То есть, при желании (и только на начальном этапе) он, конечно, вырвется из этого окружения, но Достоевский постарается, чтобы потери его были при этом огромными: о человеке будут злословить, его будут осуждать, на него будут косо смотреть. А если в этом "обществе" к тому же и "грязные игры" ведутся, то "вырывавшийся из паутины" вообще многим рискует.

Источник

Обсудить на форуме